

ВЕРОНИКА ВАНЧУГИНА

СТРОМАТА

Сборник рассказов

Вероника Ванчугина
STROMATA.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831631

ISBN 9785449089090

Аннотация

Любителям фантастики, жизненной магии и просто интересных коротких историй, легкого слога, глубокого смысла эта книга непременно понравится. Жанр короткого рассказа позволит за сквозняком дней пережить много интересных жизней других времен и миров, чтобы, вернувшись, запомнить это путешествие навсегда.

Содержание

Истории над склянками	5
Замеревший маятник	7
Вверх по дрели	9
Браво, браво!	10
За поверхностью	12
Бриллиантовый мир	13
Человек, которого не было	18
Синтетическая жизнь	24
Опиумная королева	26
Чёрная даль космоса	30
Дневник	33
Персональный помощник Творца	36
Нет спасенья от воскресенья	40
Светлячок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

СТРОМАТА

Сборник рассказов

Вероника Ванчугина

Дизайнер обложки Вероника Ванчугина

Редактор Кирилл Ванчугин

Корректор Кирилл Ванчугин

© Вероника Ванчугина, 2019

© Вероника Ванчугина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-8909-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории над склянками

Как красив был своей блеклой бежевостью среди кричащих цветов цирковых палаток ее шатер. Он стоял вдалеке, как гордая обточенная ветрами светлая глыба. Она не уступала своему шатру в оригинальности. Среди балагана и вдруг – Шаманка, так ее прозвали за пронзительный, понимающий, много видевший, порою нестерпимо жесткий взгляд, за манеру говорить так, что все вокруг смолкало, прислушиваясь к ее словам, за уникальную своей скользкой неприметностью внешность, за красивые руки и глубокий голос.

Каждый вечер она открывала свой шатер для желающих погреться у живого огня, вдохнуть дымную вязь благовоний, прикоснуться к чему-то настоящему, первоначальному, глубинному. Узнать силу трав и камней, купить поющий ветер или ловца снов и принести кусочек чуда в дом. Хотя ее особенная была не в этом, люди приходили послушать ее истории, которые она рассказывала над своими загадочными склянками.

За небольшой конторкой под оранжево-теплыми бумажными фонариками, которые по праздникам запускают в небо, стоял деревянный ячеистый открытый шкафчик, в нем стояли чудеса, разлитые по емкостям. Пузатые фарфоровые вазочки, арабские со сложным орнаментом флакончи-

ки с разноцветной эмалью, маленькие пузырьки из-под духов со стеклянными затычками, китайские круглые помадницы из перегородчатой эмали, простые колбы. И в каждой скляночке жили и дышали чужие жизни, свернутые и заточенные словно джины. И когда люди обступали ее конторку плотным, внемлющим кольцом, она брала одно из сокровищ в свои украшенные каким-нибудь неприметным кольцом руки, открывала и начинала свой рассказ, разворачивая историю, как киноленту, окутывая событиями так, будто они происходили среди слушателей. Истории, как и склянки, были совершенно разные, каждый находил в них что-то свое.

Сегодня она достала красную колбу, из которой валил белый, похожий на куски ваты, пахучий дым. История пахла лекарствами, хлоркой, каменной пылью и пеплом.

Замеревший маятник

После аварии девочка лежит в коме, спелёнатая в собственное тело, все слышит и понимает, но никак не может очнуться. Врачи обсуждают с родителями последнюю возможность – вколоть девочке экспериментальный препарат Барьер 18, который может либо вывести девочку из комы, либо ее убить, а поскольку мозг в коме все равно повреждается, они решают рискнуть.

Девочка попадает в безвременье, своеобразную пустыню своего я и долго по ней скитается, встречая по пути страхи, обиды, гнев и отчаянье. У нее есть маленькие помощники – это ее обещания, улыбки, радость, которые посещают ее в виде золотистых бабочек, садящихся на голову. Где-то в глубине этой пустыни стоят часы ее времени, и маятник на них застыл. Ей предстоит найти эти часы и снова раскачать маятник, но для этого пустыню нужно превратить в цветущий сад. Со временем, которое так неоднозначно в этой пустыне, девочка понимает, что ей здесь не так уж и плохо, она размышляет над тем, чтобы остаться здесь навсегда. Но тут часы начинают разваливаться, а внутренние органы девочки отказывать по одному.

Шаманка, пряча конец истории в улыбке, позволяла слушателю самому додумать, а желающему узнать все до по-

следней детали – купить заветную колбу.

Оставив колбу на конторке, она достала еще одну вещь из шкафчика – маленький хромированный пенальчик, вроде тех, где хранят сверла, шурупы, дюбеля и прочую мелочь. Она грохнула его о конторку и с усилием начала отвинчивать крышку. Гладкий цилиндр сопротивлялся, но неприятно взвизгнув крышкой, наконец, открылся.

Вверх по дрели

Сверло в висок – это было излюбленным хобби Ванюши. Он занимался этим с отрочества, тренируясь на животных, теперь, когда стал самостоятельным маньяком, заслужил уважение изощренностью убийств и нетривиальностью орудия. Женщины падали в его объятия, как подкошенные. Он выбирал только доступных, зачем ему канителиться с порядочными. Так и жил Ванюша от жертвы до жертвы, пока не встретил загадочную женщину, предложившую ему совершить путешествие по дрели. Орудие не ново, схема та же, но чего-то он не учел. Игра началась, но он не подумал, что выбраться из игры не сможет даже по настойчивому требованию, что дрель движется, и все не так просто...

История Ванюши пахла кровью, металлом и жженой резиной.

Шаманка предварила третью историю словами: «Когда голову кружит любовь, очень страшно в конце осознать, что это только давление». Флакончик старых французских духов все еще слабо ими пах.

Браво, браво!

Он любил играть, просто очень любил играть. Его злые розыгрыши, подтрунивания, игры, подшучивания на грани издевательства; женщины прощали ему все потому, что были влюблены, впрочем, как и предыдущие. Только почему-то никто так и не понимал его тонкой игры, и все при расставании плакали, закатывали истерики. При очередном разрыве одна из них как-то сказала: «Когда-нибудь ты заплатишь за все, шут!»». Она все больше молчала, кусая губы, глаза сухие, воспаленные. Но что за беда... он уже забыл ее.

Алисия была не похожа ни на кого, она тоже любила играть и понимала его шутки. Ее едва осязаемое присутствие, тонкий вкус, юмор, цвет кожи, запах. Он уже любил ее, как вдруг она просто говорит: «Игра окончена, браво!»»

Шаманка ставила последнюю склянку к первым двум и, улыбаясь, умолкала. Все эти истории ждали своих новых владельцев, пытливо вглядываясь в людские лица напротив. Немногие отваживались пойти на поводу у первого порыва – купить сразу, чаще люди возвращались днем, прожив с услышанным ночь и утро. Когда история просачивалась сквозь тонкую кожу, когда о ней напоминал уловленный запах или звук, тогда люди возвращались и, покупая все, просили еще, но темноглазая Шаманка отвечала: «Только три

истории за раз, приходите вечером».

По утрам Шаманка выскальзывала из своего уютного шатра и устремлялась в город. Истории сами находили ее, разыгрываясь, порою, прямо на глазах. Как только ее чуткое ухо улавливало что-то интересное, она высовывала из кармана неприметной одежды горлышко пустой открытой склянки и хитро, даже плотоядно, улыбаясь, наблюдала, как зеленая фосфоресцирующая нитка тянулась от героев новой истории к склянке, шаманка поворачивала ее за горлышко, будто сучила эту нить. Увиденное ею помещалось в ту же емкость плотным комком образов, запахи послушными юркими воздушными запятыми ныряли в нее, оставалось добавить немного воды и дать настояться. Вода связывала всю историю своей живой журчащей памятью, не давая ей отслоиться, раствориться или испортиться.

Она только закончила закупоривать новую историю, с запахом хвои, вкусом и холодом родниковой воды и манящим светом звезд.

За поверхностью

Семилетний Антошка проливал воду из медного ковша на землю, засмотревшись на звезды. Он заворожено глядел вверх на первое самостоятельно выученное и самое любимое созвездие Большой Медведицы или Макоши, как говорит дедушка. Милый дедушка умело переплетал астрономию со сказкой и подспудно учил его всему. А Макошь или Мать Ковша протягивала к нему свои лучистые руки и звездно улыбалась, а маленький Антошка думал: «Что же там, за поверхностью Ковша, и действительно ли он Ковш?». Через сто лет он первый поучаствует в тестировании своего изобретения – звездного телепорта. Для всех он просто потерял сознание, а ему снова было семь лет, и он был там, на неизвестной земле. За поверхностью Ковша.

Теперь все эти вкусные истории, обещанные пытливому слушателю и ценителю, перед вами.

Бриллиантовый мир

Медный, заунывный звук разносился ветром, ржавая шпалина, привязанная веревкой, покачиваясь, стучала о железный шест.

Старик слушал и думал: «В былые времена здесь висел колокол». Но, как колокола, так и колокольни в деревне уже не было. Легкие старика давно разъела махорка, и от этого они издавали легкий свист. По его лицу, оставив борозды-морщины, прошли страшные неведеньем 30-е, впечатались ужасом 40-е, метания 50-х, десятилетие оттепели, стоячая вода второй половины 60-х, дальше десятилетия сливались в один сплошной нескончаемый день. В маленьком окошечке фокуса оставшегося зрения он видел легкое покачивание железа, и ни одна мысль не тревожила его разрушающийся мозг более нескольких минут.

Когда-то он думал, что стоит немного потерпеть и все образуется само. И он терпел. Терпел, когда убивали друзей, терпел, когда наживую ампутировали ногу, терпел, когда вместо анестезии заливали в глотку спирт, терпел тошноту, вонь и дизентерию. Он терпел даже тогда, когда его, ветерана, заставляли доказывать, что ему действительно нужен протез, как будто культя могла отрасти в ногу.

Когда хрупкое содружество террора распалось на куски, даже тогда он старался терпеть, несмотря на выкручивание

внутренностей от несправедливости. Он терпел, когда у него клоками стали выпадать волосы, крошиться зубы и нить органы. Все жители этой деревни разъехались из зоны бедствия, а старик остался – он так и не понял, что это не шутка. Часто встречал людей в странных блестящих скафандрах и то и дело натыкался на странные знаки в огороде, но ничего не понял. Эти люди просили его уехать, не пить здешней воды, не есть ни ягод, ни грибов и ничего не выращивать, потому что все это означает скорую смерть. Старик только пожимал плечами – смерть, так или иначе, придет, а скоро или нет – какая разница?

Ехать ему было некуда и не к кому. После возвращения с войны в родную деревню его ничего не держало в ней, но ничто не тянуло вовне. Родители умерли от голода, а он... ну кто полюбит инвалида с двумя контузиями и несчетным количеством медалей?

В войну он дослужился до чина полковника; а вернулся духовным инвалидом. Война выпила из него жизнь – всю, до капли. Он вернулся, как призрак, в свой дом, потому что не знал другого маршрута. Поначалу ему снились рвущие плоть снаряды, пули, изуродованные тела, он кричал, и мечтал, чтобы его тоже разорвало, чтобы больше не терпеть. Но потом все постепенно стало меркнуть в его памяти, покрываться пылью, и не было уже того накала страстей, что были на войне и немного после. Все забылось, теперь осталось какое-то странное чувство гнетущей вялости, иногда

перемежающееся хандрой и скукой. Однако вскоре старик постепенно разучился скучать, он даже с трудом мог припомнить, что означает само это слово. Просто все вокруг казалось ему каким-то искусственным, фальшивым.

После возвращения он долго не мог привыкнуть, но не к еде и мало-мальскому уюту, а к тому, что это теперь его деревня, его дом, где он вырос и куда пришел умирать. Выжженная земля, валяющиеся ошейники и цепи, вязкая тишина и огромные поля, перепаханной снарядами земли. Увиденное, бередило душу и напоминало ему о том, что у него внутри все точно так же – скрипят калитки от ветра в брошенных домах, ночью деревню посещают призраки, они ищут пропавших детей и любимых, стенают о гибели и воют от тоски. Он видел все это и понимал, что это невозможно терпеть, как невозможно терпеть боль в отрезанной ноге, которая мучила его каждую ночь. Он сам превратился в огромную воронку от снаряда, и ничего больше не осталось в нем от человека.

Он свыкся с этим, как свыкаются со многими страшными вещами. А потом его сознание больше не удерживало почти никаких воспоминаний о том времени, и тогда он подумал, что, возможно, ничего и не меняется. Весна похожа одна на другую, приходит всякий раз в свой час и ей все равно, война или мирное время, голод или благоденствие, живешь ли ты или уже умер.

Теперь старик, как бы ни старался, не мог вспомнить, как

выглядела его настоящая деревня, его мать и отец, его односельчане и что такое зона бедствия и колючая проволока, хотя последнее вызывало в нем скорее телесную реакцию. Он ощущал скрежет горелой земли на зубах, слышал позвякивание пуль о каску и дрожание тверди под ногами. В деревне остался только он один, поэтому старик ни с кем не разговаривал уже много лет, хотя он был бы рад «пустить себе кровь» и вылить кому-нибудь всю ту горечь и гной от ран, что накопились за долгие годы.

Его по-прежнему слепило солнце, он также курил махорку, скручивая ее в газетку, и вдумчиво слушал медный звук, разносимый ветром, что рождался ударом ржавой шпалины о железный шест.

Когда сознание чуть освещалось тенью мысли, старик улыбался сухими, как бумага, губами, он давно успокоился и больше не мучился, потому что время терпения кончилось, началось время ожидания. Старик садился на завалинку, скрючиваясь знаком вопроса, и ждал. Ждал, что падут эти унылые декорации, что перестанет бить в глаза искусственный свет, отраженный от отшлифованного стекла, наклеенного на блесстку, что наконец-то станет ясно, ради чего он столько терпел. И тогда старик, наконец, узнает, кто и когда подменил его настоящий бриллиантовый мир на стразу, почему люди стали так странно себя вести и говорить, почему благородные камни смешались с булыжниками, а искусственные подкрашивают и выдают за настоящие. Старик

улыбался, потому что давно разучившись понимать, просто ощущал, что время ожидания тоже закончится, и тогда он будет счастлив от того, что мир будет крутиться в правильном направлении, и в нем станет торжествовать справедливость, и каждый получит свое, и что люди в нем станут как камни – настоящие бриллианты, благородные камни, искусственные, и, наконец, стразы будут занимать в нем свое предназначенное вселенной место.

Человек, которого не было

Феликс Осипович Митрофанов проснулся в своей постели раньше будильника. Он понял, что не хочет идти сегодня на работу, и впервые в жизни не боялся нагоняя за прогул, даже за прогул втихаря. Ему было все равно, так если бы полный шприц новокаина торчал из сердца и некая упорная рука давила на поршень.

Он посмотрел в занавешенное окно, убедился, что солнца не видно, дело было даже не в солнце, а просто в бессцельности действий. Любой наклон или поворот головы был абсолютно лишен всякого смысла, но даже это не пугало Феликса Осиповича.

Он был примерным гражданином – платил налоги, жил как все, работал от звонка до звонка и ни разу его не посещали предательские мысли о том, что работа могла бы приносить удовольствие, а физический труд носить осмысленный характер. Митрофанов был холостяком не идейным, не случайным, а просто холостяком, как бывают просто рыжими или брюнетами, если бы чья-то воля поселила с ним женщину и указала на обязанности, она стала бы женой.

Феликс Осипович Митрофанов захотел провести весь этот день в постели. У него было пусто на душе, но начинался день, и для начала надо было соврать.

Он лениво размышлял, хватятся ли его на работе, позво-

нят, спросят, и как это приятно, что кто-то забеспокоится или он кому-то понадобится. А если никто не хватится его, то и ладно, хотя это, конечно, не так приятно. Но для начала надо было придумать ложь поубедительнее для начальства, он заложил руки за голову и мечтательно посмотрел на потолок. Кроме тривиальной лжи не выходило ничего путного. Митрофанов перевернулся на правый бок и перестал об этом думать; в конце концов, он может просто игнорировать звонки. Его абсолютно не волновала эта опасная игра на грани фола. Он мог позвонить сам, но это была наименее приятная из всех вещей.

После часа бесплодного валяния в постели Феликс Осипович встал и уже потянулся за одеждой, но руку его остановила мысль о том, что сегодня можно позволить себе непозволительную в рабочие дни роскошь. Он надел домашний махровый халат, затянул пояс и пошел на кухню завтракать.

Митрофанов, проходя в ванную, взглянул на себя в зеркало: то, что он делал каждое утро, но теперь он рассматривал себя задумчиво и долго, в другие дни хватало беглого осмотра. Он был низок и сбит, на голове красовался широкий блин лысины, обрамленной по краям черными с проседью волосами. Феликс Осипович оглядел свои мешки под глазами и подумал что, наверное, именно в них складывают недоспанные часы про запас, и с годами их становится все больше. Он повернулся боком, осмотрел свой живот, оперся руками о борта раковины и взглянул исподлобья. Выко-

вырял пару сонок из уголков глаз, умылся и почистил зубы. От этих привычек было не отбиться даже в такой день, они были заасфальтированы в его еще молодую голову. А теперь на ней мало волос, проглядывает седина, но эти привычки сидят прочно.

Завтракал он долго, неторопливо, наслаждаясь яичницей с помидорами и хлебом, понимая, что, наверное, только сейчас чувствует вкус этого традиционного утреннего блюда.

«Жаль», – подумал он. Но что, собственно, ему было жаль, он вряд ли мог объяснить. Ему смутно было жаль всего, всего, что его окружало и, конечно же, себя и свою жизнь. Эта жалость была какой-то бессознательной, сродни боли, пока боль чувствуется в боку – бок болит.

После завтрака он остановился посреди комнаты и перед ним встал вопрос – а что же дальше?

Митрофанов взглянул на часы, но само время его не интересовало. Что же он на самом деле хочет? Как надо отдыхать в такие дни, он не знал. Феликс Осипович понимал, что особых желаний у него нет.

«Вот будет интересно, явиться на работу, гордо пройти к начальнику и высказать ему все, что он о нем думает. Да, так и надо сделать.

Только... что же он о нем думает?»

А ничего, особых конфликтов или прессинга со стороны начальства никогда не было, он был средней руки работником без особых дарований, принципиальности или проко-

лов, поэтому для начальства он был таким, как и остальные.

«Наверное, надо сделать что-нибудь необычное», – подумал он. Но переводить старушек через дорогу, облагодетельствовать бомжей, или подбирать бездомных животных было скучно, к тому же хлопотно. Да, он был явно не способен на что-то необычное.

Он пошел на балкон, постоял, посмотрел вниз. Можно было пригласить кого-нибудь в гости, но друзей у него не было, да и в рабочее время никто не пойдет.

«В поликлинику, что ли, пойти?» – мелькнула мысль. Вид пенсионеров, дерущихся за очередь, не прельщал его ни сколько, наверное, напоминая о том, что когда-нибудь, может быть, даже скоро, и он окажется в строю этой вечно неудовлетворенной, бурчащей и мечтающей устроить скандал по любому поводу, армии. Да и что он скажет – «Доктор, я не умею жить без шаблона, выпишите мне таблетки счастья». Хотя зачем ему счастье, что он с ним делать будет? Покоя у него итак вдоволь, вся его жизнь – сплошной покой. Ему нужно, чтобы появились желания, нельзя же так жить. Единственный день в жизни, когда он позволил себе что-то пожелать, а теперь он в ступоре.

«Пойду в кино», – мелькнула у него спасительная мысль.

Он пошел, послушался по кинотеатру перед сеансом, понюхал отвратительный запах кукурузы, послушал попсу. Посмотрел какой-то фильм, его взор что-то выхватывал из сюжета и он обдумывал явление не торопясь, но на это уходило

так много времени, что нить повествования терялась, если она вообще была.

На выходе Митрофанов чуть не столкнулся со своим начальником. Он был с женой, и было видно, что им фильм понравился, а может, они просто претворялись. Феликс Осипович сначала удивился, а потом подумал, что он – начальник, может себе позволить, а с другой стороны это даже хорошо, никто не заметит его отсутствия.

Вернувшись домой, он пообедал, посмотрел новости и под вечер отправился в ближайшее кафе. Он был твердо намерен поесть и провести ночь с женщиной, это единственное безрассудство, которое он смог из себя выдавить.

Народу там было много и необычно шумно. Митрофанов решил терпеть. Он уже практически решился подойти к одной женщине и пригласить на танец, но музыкант сказал что-то странное, что остановило его. Он долго соображал, что же это было. Это обстоятельство сильно его расстроило, и он потерял всякий интерес к своей затее.

Феликс Осипович вернулся домой и включил телевизор. Не раздеваясь, прямо в пальто, сел на диван. Он бессознательно глядел на экран, не видя изображения.

И вдруг он услышал несколько фраз: «... и в этот субботний вечер, мы начинаем показывать ретроспективу фильмов...» Тут Феликса Осиповича Митрофанова осенило: вот, что его расстроило в кафе... вечер... субботний вечер...

– Как суббота! – закричал он и вскочил. – Почему суббо-

та? Не может быть!

Он долго рылся в бумагах на столе, нашел календарь и убедился, что этот единственный в жизни свободный день, который он мог провести по своему желанию оказался стандартной выходной субботой...

«Вот почему начальник с женой были в кино» – подумал он. Феликс Осипович был готов зарыдать от горькой обиды, но тут он посмотрел на часы и ринулся вон из квартиры. Прибежав в кафе, ту женщину он не застал. Бармен сказал, что она ушла.

Он немного постоял, потом купил себе бутылку водки и ушел.

Молодая пара возвращалась домой, недалеко от них, откуда-то с высоты, упала и вдребезги разбилась бутылка. Они шарахнулись в сторону, потом взглянули наверх, но в темных окнах высотного здания никого не увидели.

«Как же так, – подумал Митрофанов, – вот же я, стою на карнизе в одной пижаме, почему же никто меня не видит, не кричит». Тогда он крикнул во все горло, что-то неразборчивое про субботу... По инерции крика он махнул рукой и, не удержавшись, сорвался.

В несколько последних сознательных секунд жизни он, с замиранием сердца, прислушивался, будет ли ответ на его истощный крик. Ответом ему была темная, глухая тишина.

Синтетическая жизнь

Берегите себя! – Зачем?

Не принимайте все так близко к сердцу! – Почему?

Не надрывайте сердце, относитесь ко всему спокойно! – Да?

Не лучше ли стать пластиковыми манекенами в стеклянной витрине? На тебя что-то надевают, снимают, роняют, ругают, бьют. А тебе все нипочем, ты – пустой пластик. Ты ничего и никогда не принимаешь близко к сердцу, у тебя его просто нет, ты его не надрываешь, ты бережешь себя. Ты запер себя под неоном добровольно, ты не знаешь, не чувствуешь, не думаешь, ты не страдаешь и не радуешься.

Ты – часть их мира, но не своего. Они придумали тебя по своему, подобно тому, как когда-то их, подобию, хотя творение превзошло творца, оно создало свою копию по лекалу, по геометрическому, анатомическому, физиологическому и эстетическому стандарту. Ты олицетворяешь их идеал, их мир – два-три метра в диаметре их собственного мира. Велика честь для куска пластика.

Ну почему же все так хотят быть как ты? Уйти без следа, смыться последней росой последнего утра, так ничего и не поняв.

Зачем нужна жизнь, если ты живешь по норме – рабо-

таешь от звонка до звонка, а жизнедеятельность сводится к естественным потребностям человекообразной обезьяны. Для этой нормы ты живешь?

Или ты так озабочен своим драгоценным, личным, даже приватным здоровьем, что при легком волнении заставляешь свое сердце биться ровно, хватаешь валокордин – ты бережешь себя, ты забыл, что такое эмоции. Зачем нужна радость – столько гормонов в кровь, скачки давления, пульса. Какое расточительство!

Хладнокровие – залог долгой спокойной жизни! А зачем она такая нужна?

Прямая линия не представляет интереса, а парабола, синусоида, кривые в системе координат? В твоей собственной системе координат, в начале мира. В точке, откуда выходили Великие Цивилизации, люди, открытия, и куда уходили. В точке, где бьется твоя жизнь, твое сердце, твои свершения.

И когда ты будешь разваливаться на части, с облупившейся краской, тебя выбросят на свалку, или перепродадут китайцам, на рынки.

Им же надо на что-то натягивать свою синтетическую жизнь.

Опиумная королева

Курят благовония. Дым поднимается тонюсенькими струйками вверх. Вокруг нее всегда курят опиум. Горят свечи. Луна подпрыгивает от дрожания пламени. Так она дышит. Ее глаза всегда открыты и всегда чисты. Теперь она смотрит и на тебя.

Терпкий дым. Свечи и ветры, много ветров. Тростник, говорящий дождем. Все это напоминает Японию или Китай. Красиво и поразительно спокойно. Голые послушницы плывут мимо, и их груди подрагивают от магии.

– Королева прибудет, – несется из гущи голосов.

Черные локоны до пят, раскосые глубокие глаза, алый рот, как раскрывшийся бутон розы. Ее голос – это ветер ветров. Император музыки. Вокруг нее всегда курят опиум. Она всегда испытывает боль. Ее глаза открыты и полны тобой. Они полны вашей встречей до краев.

Ладони вспотели, тело горит, но тебе холодно. Это озноб – первый приход опиумной королевы. Только внимательно глядя на ее губы можно увидеть легкое движение.

Она улыбается тебе. Ты – виновник этой улыбки. Послушницы кланяются до земли. Складываются вдвое, затаиваются на коленях. Они ждут ее и поют ей хвалебные гимны.

Судорогой сводит ноги. Ты падаешь на красный бархат, это твое место, здесь ты будешь ее ждать. Ты еще не видел ее,

но уже жаждешь. Уже горит в тебе вожделение, уже вскипает кровь внизу, отливает от ног.

У тебя учащается дыхание, как будто ты уже занимаешься любовью. Тело лихорадит. Дышать ровно становится все труднее. И ты ждешь ее, как глоток свежего воздуха, как разрешение огненной тяжести внутри, которую ты уже не в силах выносить. Все внутри тебя напряжено. Стержень похож на взведенный курок, на чуткую стрелку, качающуюся в такт сердцебиению. Это второй приход опиумной королевы.

Прислужницы уже постанывают, некоторые тихонько вскрикивают. Их ворота блестят, их покрыла опиумная роса. Они не трогают себя. Они в сладостном предвкушении прихода королевы. Они ждут ее и жаждут, как и ты. Но ревности нет, она принадлежит всем и одновременно никому, она загадочна и темна, никто не в силах разгадать тайный смысл ее слов. Хотя никто их и не слышит. Она говорит только с тобой, ее голос звучит в тебе, будто твой собственный, шаровой молнией прокатываясь по возбужденному нутру. Тебе нечего больше скрывать, ты гол. Ты открыт и полон желания. Ты такой, какой есть, без ширм, без запретов, без ханжеской скромности, самолюбия и спеси. Она видит тебя именно таким.

Ветер и звук, похожий на колокольный звон, пришедший из Тибета или изнутри тебя самого. Это то, что ты чувствуешь и видишь сейчас, ты не понимаешь, не думаешь, ты не умеешь этого. Ты похож на младенца, спеленатого в соб-

ственное большое и требовательное тело.

И вдруг ее взгляд. Он направлен на тебя из-под чуть опущенных ресниц. Вокруг тебя начинают неистовствовать прислужницы. Они одна за другой достигают развязки, с криками приходят к разрешению от бремени великого. Ни одна не может выдержать взгляд королевы. Только ты трепещешь, но садистская ее натура не дает тебе присоединиться к крикам и стонам, тебе кажется, что звуком ты уменьшишь это сладостное давление и осквернишь свою случайную святую.

Твой вид умоляет о снисхождении, о милости, о ласке. Так она приходит в третий раз. Ноги ее широко раздвинуты, она возбуждена, тяжело дышит. Под нежным атласом возникают бугорки. Она то и дело прикрывает глаза, купаясь в возбуждении твоём и своём. Ты своей кожей ощущаешь, как приоткрываются ее створки, потревоженные внутренними соками. И у тебя пересыхает в горле. Ее нектар, вот, что тебе нужно, чтобы утолить жажду.

Тебя окружает атлас, темный атлас. И опиум. Она стоит над тобой с широко разведенными ногами. Ты приоткрываешь ширму темного атласа. Кожа ее белая, нежная. Ты не решаешься прикоснуться руками, они слишком грубы для такой кожи. Губами ты прокладываешь свой путь. Ее створки открываются тебе, твоему дыханию, твоему горячему рту. Густой аромат опиума впитывается в тебя, ты теряешь голову, теряешь себя в ней и... просыпаешься, вырываясь из сла-

достного забытья криками.

Это просто опиум, это дурманящий дым кальяна, это только сон.

Тыходишь к зеркалу и видишь ее. Она смотрит и исчезает. Так она уходит.

Чёрная даль космоса

– Стоп! Неужели нельзя ей поправить грим? Актриса плачет – грим течет: это выше вашего понимания?! – выходил из себя режиссер.

Актриса не плакала, даже не думала. Все было куда прозаичнее – у нее была страшная аллергия на эту тушь. Издержки профессии – ничего не поделаешь. Малый бюджет, дешевый и не очень хороший грим, да и фильм, в общем-то, тоже. По крайней мере, не надо по-настоящему плакать, глаза и так слезятся, к тому же ощущение такое, будто в каждый сыпанули по «килограмму» песка. Да, придется снова лечить их чайными примочками – единственное эффективное средство между съемками.

«...Подружка главного героя, похищенная инопланетянами в далеком космосе... одна... над ней измываются инопланетяне, а потом она сама становится инопланетянкой или рождает зеленого человечка... это еще я не решил...» – вспомнила она монолог режиссера. Жар и пафос, с которым он пересказывал ей всю эту чушь, похоже, он не просто во все это верил, но и восхищался гениальностью сценариста, которым и был – фильм-то малобюджетный...

Ну а что ей еще оставалось? Она актриса – значит должна уметь играть все от трагической судьбы до фарса светофора. Трагизм героини был комичным, и даже ее игра не могла это

поправить. А впереди еще пошлая сцена спасения с прыщавым идиотом – главным героем. Но она, со стойкостью Марии Стюарт перед казнью, встала на свой крестик под душный искусственный свет...

– Любимая, ты слышишь меня? – Пауза.

– Что они с тобой сделали? – Пауза.

– Я тут все разнесу... – На счет три он встанет: раз... два... три.

– Глен, – ее слабый голос.

– Милая...

– Слушай, это важно.

– Они имплантировали мне капсулу со страхом...

– Что? – герой был в недоумении, вероятно, он не знал половины слов...

– Слушай, как только я попаду на Землю, капсула разорвется и страх вырвется наружу... он пронесется, как чума над средневековыми городами, и выкосит все поле человеческое...

– Что она несет? Этого же нет в сценарии!

– Снимай.

– ... и поэтому я останусь здесь...

– Как? – сказала вся съемочная группа.

– Да. Единственный выход – посадить меня в капсулу с самоликвидацией и отправить в космос. Взорвавшись в вакууме, страх исчезнет и... никого не убьет...

И я отправил ту, что любил больше всех на свете, в чер-

ную, чужую, безвоздушную даль космоса... Я до сих пор вижу удаляющуюся капсулу и ее мерное кружение... и ее последнее «люблю», но все-таки Землю она любила больше.

The End.

Титры.

Свет в зале.

Дневник

Он ехал поздним вечером в трамвае, мерно покачиваясь в такт стыкам рельс, держа на коленях свой старенький кожаный портфель, доставшийся ему еще от деда. В нем была его рукопись, над которой он трудился пять лет. Он устал и был расстроен. Отказ. Опять. День был долгим, но сейчас он вспоминал свой разговор с редактором:

– Видите ли, ваша рукопись имеет очень низкую ценность. Вы излагаете общеизвестные вещи другими словами. Новых фактов, документов или гипотез в ней нет. Ваш взгляд совпадает с тысячами подобного рода книгами на ту же тему. Я задам вам вопрос – вы бы издали такую книгу?

Он потупился.

– Я понимаю, вы честно над ней трудились, вам жаль ваших усилий, но – увы, она не будет пользоваться спросом. Ей нужна уникальность, самобытность, она должна быть настолько яркой, чтобы читатель, раскрыв ее на любой странице, не смог оторваться. Что-то захватывающее, мистическое, с обилием приключений...

– Подождите, у меня же не приключенческий роман. Это научный труд на тему экзистенциального страха, страха на грани смерти.

– Отличное название, превосходное. Но, извините, даже оно не сможет спасти вашу работу. Добавьте интригу, сделайте

те ее более художественной. А почему вы, собственно, не хотите издать ее в издательствах научной литературы?

– Я там уже был, мне сказали, что она ненаучная. Слишком много непроверенных данных, гипотез, предположений – в общем, всего того, чего, как вы говорите, ей недостает.

– Ну, мой дорогой автор, мы же издательство развлекательное, а ваше творение около научное. Нашим читателям оно покажется скучным, поэтому послушайте моего совета – напишите роман, как Дэн Браун, все любят тайны и загадки, увлеките своей экзистенциальностью, добавьте мистики, загадок, приключений, любви...

– Но какая же может быть любовь в теме экзистенциального страха смерти?

– Пусть ваш герой полюбит умирающую девушку, пусть ищет, как ее воскресить.

– Но это уже любовный роман.

– Верно, добавьте мистики, философских рассуждений, и у вас может получиться наш вариант книг Пауло Коэльо, хотя сейчас такие книги несколько упали в спросе, но, тем не менее, с этим уже можно работать. Оживите вашу книгу и приносите снова. Будем работать.

Эту фразу редактор говорил всегда, неизменно, вне зависимости от исхода беседы. Игорь уже догадался об этом, тем не менее, он понимал, что ему крупно повезло встретить такого редактора, в большинстве случаев ему бы просто отка-

зали, не утруждаясь объяснениями, этот редактор пытается ему помочь издаться, учитывая современные реалии рынка. И именно это удручало больше всего – эти самые реалии.

Нет, до классиков мировой литературы ему было далеко, он это понимал и не претендовал, но и ему, скромному, но неудавшемуся психологу, было что сказать людям.

Он посмотрел в окно на темную зимнюю улицу, тускло озаряемую неприятно-желтым светом фонарей, и перевел взгляд на пол. Какую мистику он может из себя выдать, если не верит во все эти глупости, если для него все это примитив, высосанный из пальца, который он откровенно презирует. А философствовать может каждый, да только будут ли интересны именно его философствования?

Вдруг его взгляд выхватил кончик белой бумаги, торчавший из рваного края переднего сиденья, трамвай был полупустой, и переднее сиденье пустовало. От нечего делать он потянул за край бумажки и вытащил листок, сложенный вшестеро. Раскрыв бумагу, он прочитал:

Персональный помощник Творца

Туман и дождь. Вечер субботы. Темно, пахнет мокрыми травами, озоном.

Туман и дождь, соседи смотрят футбол, хочется плакать.

В домах полно окон, в них свет, и свет притягивает бедных ночных бабочек с промокшими крыльями. Ветер развеивает волосы, и хочется петь и плакать, а в животе пульсирует большой огненный шар – погубленная жизнь. Быть может, это ее зов о помощи. Последний, как последняя надежда для бабочки с промокшими от сильного дождя крыльями добраться до светлого, открытого окна и полумертвой упасть на подоконник.

Теперь все проще, чем было до этого, и сложнее, чем еще будет. Мы не в ответе за то, что происходит. И не наша вина, что транслируют футбол, идет дождь и гибнет жизнь в твоём теле. Гибнешь и ты, возрождаясь из пепла, словно Феникс или Осирис. Но Осирис был богом, ему положено возрождаться, а ты – нет. Тебе не дано победить то, чего нет. А именно – смерть. Ее нет, как нет этой раненой дождем бабочки, этих быстро расплывающихся букв. Этим странным иероглифам на стенах твоей души. Все это только миф, только созданная прагматичным разумом реальность, или жизнь. Но как он мог создать живое, умерщвляющее живое

внутри себя?

Когда крысам нечего есть, они едят своих детенышей и не мучаются угрызениями совести, они просто пытаются выжить. Но даже это оправдание у них стащили люди, ночью, пока они чутко спали, быстро дыша.

Вся страница в слезах, испещренная мокрыми рытвинами. Их много, и буквы снова плывут, вязнет перо, уродуется текст или... просто создается новый, правильный, написанный не только, а может, и не столько твоей рукой. Ты только записываешь, как послушный и исполнительный секретарь. Персональный помощник... Творца – что? Хватила? Да, это бывает...

Мы всего лишь дети, и мы играем в этот мир, как в новую сложную игрушку, которую хочется сломать, чтобы посмотреть, что там внутри и как это все работает, но, когда мы это узнаем, откинем его – ведь уже не будет так интересно, появятся другие миры и другие игрушки, которые нам снова нужно сломать.

В нас это заложено – мы же ни при чём. Инстинкт, понимаете.

Мы любим ломать то, что долго и трудно строим. Нам скучно созидать – этого слишком мало для шоу. А ведь толпа любит шоу – это так весело. Настолько, что некоторые даже погибают при этом. Потом устраиваются пышные шоу-панихиды с лживыми речами скорби. И все говорят, хорошо и долго, и, даже, местами, плачут.

Как жаль, что Земля слишком любит нас, чтобы обороняться, и мог ли ее создать такой трезвый и прагматичный разум? И ничего более... только это.

Такого не бывает.

Кончается тьма, кончается горе и радость. Кончается зима и лето. Кончается время и кончается чья-то жизнь внутри тебя. Но ты не молчи, просто плачь, или пусть поплачут расплывшиеся кляксы на бумаге, у них это лучше получится.

19/06/04

Рука была женская, судя по присутствию даты, это была страница из дневника. Написанное понравилось Игорю, и он решил оставить ее себе, просто так. Но почему страница из девичьего дневника была спрятана здесь, в обивке сидения трамвая, или кто-то нарочно разорвал шов и сунул туда этот листок, но зачем?

Через несколько дней, засев за работу, он снова вспомнил о найденной странице, достал и перечитал ее. И мысли этой девушки показались ему занятными, не лишеными образности и очарования. Чего недоставало этой девушке в субботний вечер? И причем тут футбол? Со стилем одиночества он был очень хорошо знаком, поэтому сразу узнал его. Но ее одиночество было каким-то слишком одухотворенным, слишком философским, чтобы быть полным. Воз-

можно, девушка просто грустила о гибнущей жизни в ее теле. Что это за жизнь? Почему она ничего не предпринимает, чтобы ее спасти? Почему так спокойна. Ладно, – он убрал листок, – это женские штучки, они вечно делают из мухи слона.

В воскресенье он возвращался от друзей очень довольный собой, он почитал им отрывки нового произведения, и им очень понравилось, но с этим пока рано было идти к редактору. Он, оказывается, может писать в разных жанрах. Улыбаясь своим мыслям, он наступил в собачьи испражнения. Ничего, чем отчистить ботинок, под рукой не оказалось, он отошел к сугробу попробовать оттереть снегом, успешно проделав это, он уже собрался идти дальше, но заметил, что на голой ветке дерева что-то белеется, это оказалась бумага, на ней проступали уже поплывшие буквы. Дома, расправив влажную бумагу, он положил ее между сухими листьями и засунул под пресс. После сушки, он достал находку и рассмотрел. Игорь сначала оторопел, потом достал первый листок, сличил и понял, что не ошибся – та же рука. Сама записка гласила:

Нет спасенья от воскресенья

Воскресенье, вечер. Скучно. Кажется, нутро полопается от скуки. Как же мерзко, что на часах 23:06, а завтра снова идти на работу. Картошка не кипит на плите. Любимый смотрит футбол, а ты сидишь на кухне и чувствуешь себя полной дурой.

Постоянно хочется есть и спать. В такие дни я себя ненавижу, кажусь себе толстой, простой и вульгарной с облупленным лаком на руках. Меня ничего не развлекает: ни готовка, ни фильмы, ни телевизор, ни книги, ни Таро. Все это уже было, и скучно, тривиально, обыденно. Видимо это имеют в виду люди, говоря, что быт заедает. Когда тебя изнутри выгрызает тоска. Ты сидишь дома, пухнешь от скуки и ненавидишь этот умирающий день.

Завтра будет понедельник, новая неделя потечет, как ни в чем не бывало. Будут новости и разговоры. Снова ворвутся заботы, но сейчас я не хочу быть в этом воскресенье и не готова к понедельнику.

Все застревает внутри, утрамбовываясь, как непереваренная пицца, потом каменеет и тянет вниз. Подогревает этот камень скука, отсутствие кислорода. Хочется глотка ветра, чего-то неземного, лишнего этого отвратительного запаха тухлого яблока, каким пахнет воскресенье. И пускай чернила на отсвет блестят, как млечный

путь, и пусть их цвет глубок, как глаза азиатки, но между строк втискивается, маскируясь под пробел, скука. Вечный двигатель прогресса и философских идей. Желание изменить устоявшийся ход вещей, впустить свежий воздух, полный дождя и мяты – вот что заставляет людей идти в террор, мистицизм, цинизм, добиваться благополучия. Они думали, что так они убьют скуку. И им не будет так тоскливо и одиноко с самими собой.

Может именно от этого мне скучно. Потому, что я перестала довольствоваться только собой. Я – уже не я, а – я и он. Мы. Когда я – это мы, ты уже не в силах разобратсья, что именно ты скучаешь, а не он. Или это он скучает, а ты нет. Не знаю, я потерялась в нем, так глубоко впустив его в себя, теперь мы сплелись и перепутались, и мне страшно.

Я так часто теперь плачу и так трогают меня сцены, которые уже сто пятьдесят раз видела. А слезы текут и текут. Бред. Похоже на исповедь сумасшедшей. И это, отчасти, правда.

Может, это все просто игра, игра моего воображения. И этой чертовой маяты. Это просто усталость, усталость от рабочего течения жизни. Нужен отпуск и как можно дальше отсюда. Но это снова невозможно. Вот и маята, вот и сумрак снов, вот и желание вырваться. Я слишком устала от воскресений.

20/06/04

Интересны были не сами сопливые бредни, а дата. Это следующий за первым листком день. И первый, и второй листок он нашел совершенно случайно, никто не мог предположить, что он поедет на трамвае, а сегодня пойдет именно этим путем. Невероятное порой объясняется вполне бытовыми вещами, но зачем этой девице нужно подсовывать ему свой дневник?

Дальше он стал находить короткие обрывки бумажек с адресами, так же случайно, но у него уже стала плотно утвердяться мысль о том, что его ведут. К чему? Зачем? Совершенно неизвестно. У него было гадливое чувство, будто он копается тайком в чьих-то секретах, препарирует захороненные скелеты в шкафу, но любопытство было сильнее. Он ездил по адресам, и постепенно понимал, что это были значимые для этой девушки места. Работа. Дом. Сквер, где они встречались с подругами. Школа.

Однажды он увидел девушку, что-то положившую в дупло дерева, он догнал ее, но выяснилось, что она просто высыпала крошки в кормушку, которую он не увидел, а дупло было пустое. Все перестало складываться интересно, в этих догонялках не было ничего забавного, поэтического или мистического, все это было противно. Он чувствовал, что им умело манипулируют, но кто и зачем, как ни старался, не мог понять. И еще: к его подозрениям свежей струей опасений влились анонимные телефонные звонки. Кто-то звонил, слу-

шал его голос, а потом аккуратно вешал трубку.

Через неделю он не выдержал и в один вечер сжег все листки дневника и листы с адресами. Он устроил этот костер на кухне в блюде. И смотрел на умирающий огонь, как смотрел, быть может, Мастер, сжигая свои рукописи, или Гоголь на второй том Мертвых душ. Он их понимал, понимал их чувства, был так же объят магнетизмом огня, но от чувства опустошенности, навалившегося на него после сего жертвоприношения, он заболел. Пролежал несколько дней, восстанавливая силы, и тут пришло раскаянье.

– Будь честным сам с собой, она ведь лучше тебя пишет.

– Но ведь она водит меня за нос.

– А может все не так?

– А как?

– Не знаю, но зачем-то эти листки попали к тебе. Значит неспроста.

– Именно. Чья-то злая шутка.

– Ну, зачем кому-то так шутить? Какой с этого навар?

Решив прервать этот сумасшедший разговор с самим собой, он сходил за почтой до почтового ящика. Среди реклам он нашел письмо, распечатал и прочитал:

Ask a fellow... waitress

Мы на острие сомнений, на клинке мятежника. Кто он? Кто мы? Мятежники, дерзнувшие пойти против своего гос-

подина, одинокие души, плывущие против течения. Никто из современных мудрецов не говорил, что если на твоём пути встречается слишком много препятствий – может быть он правильный?

Мы разрываемся в клочки и кормим свои сомнения – там ли мы, делаем ли мы то, что предназначены делать, а может все это сон, или игра нашего больного воображения, которому уже давно поставили диагноз – любовь. Ко всему! Не может быть, чтобы мы умерли, не может быть, чтобы искорка Бога ушла на «отопление» наших потребностей. Не может быть, чтобы все было так, как нам говорят.

Не волнуйся, я настоящая.

20/04/07

А потом сразу:

Светлячок

Я плачу черными слезами. Почему черными? Потому, что тушь потекла. Почему плачу? Потому, что слезятся глаза? Все так просто объяснить, что от такой простоты становится тошно. Противно знать все ответы на все вопросы, но страшно бродить в потемках без единого ответа.

Вам знакомо такое состояние: как будто все в жизни хорошо, живи и радуйся, а что-то внутри вас сидит и не дает радоваться, что-то гложет, как червь. И у тебя такое ощущение, что то, что ты строил таким трудом и так долго, может разрушиться, как картонный домик, от одного только дуновения ветерка. Все так хрупко и ненадежно. У тебя не почва, а зыбучий песок под ногами. Ты еще не проваливаешься, но уже чувствуешь движение под собой, скоро, скоро он посыплется. Не то, что ты этого ждешь, но это лишило бы тебя неуверенности. Лучше знать, что происходит, даже если это тебе не нравится, чем пребывать в иллюзии, что все хорошо. Все ведь хорошо не бывает. Голову начинают сжимать тиски боли, вот-вот начнут пульсировать вздувшиеся вены на висках.

У каждого свой путь, но тебе надо его найти с маленьким светлячком в руке – с простым ответом на тот вопрос – для чего ты живешь на этом свете? Зачем ты здесь? А чтобы найти ответ на этот вопрос, надо немало попла-

вать в собственных мутных водах, не один километр пробежать по собственной огненной пустыне, не на одну гору взобраться.

Да! Это философия, даже немного теологии, но так устроен мир, что одно невозможно без другого. Иногда ты путаешься в этом клубке хитросплетений, как маленький котенок, заигравшись нитками. Но будь осторожен, ты можешь совершенно неожиданно для себя оказаться маленькой слабой птичкой, намертво спеленатой жесткими путями, и даже светлячок тебе не поможет распутаться.

Иногда решают за тебя, и, бывает, что иначе ты не пройдешь какой-то отрезок пути. Мы смотрим на жизнь слишком по-человечески, слишком приземленно, если хотите. Не можем мы знать, какую роль играет тот или иной человек в нашей жизни, пока не пройдет некоторое время, пока мы не поймем, что все, что с нами происходит, можно сложить в мозаику, и каждое событие будет связано с предыдущим причинно-следственной связью.

Это, конечно же, всего лишь рассуждения, но имеющие под собой довольно твердые основания. Но, естественно, это безынтересно для читателя. А для писателя? Кто-то пишет про птиц, приписывая им человеческие метания и страхи, кто-то пишет то же про крыс, роботов, клонов, муравьев, жуков; кто-то пишет сказки, кто-то бульварные романы, которые запоем читают в метро, но если это пишут и издают, значит это кому-то надо. Хотя мир

иногда сильно походит на огромную мусорную яму, и там сконцентрировано все, что делает эту яму грязнее и глубже, но есть и достаточно того, чтобы избавиться от всего лишнего мусора и оставить действительно нужные вещи, и тогда это будет уже не ямой.

Но бойся лететь на чужой свет, ибо ты можешь обжечься, бойся играть с нитями судьбы, ибо ты рискуешь запутаться насмерть, как в паутине, не суйся туда, куда не надо, ибо ты можешь поплатиться за это головой. Но как же ты сможешь понять, что правильно, а что нет, если ни разу не ошибешься, как же ты поймешь, что твое, если ни разу не обожжешься, как же ты сможешь посылно управлять своей жизнью, если не будешь играть с нитями судьбы, и как же ты узнаешь, что на свете еще много чего интересного и непознанного, если не будешь стараться познать то, что запрещено.

Но помни, что ты всего лишь человек, и многого тебе не дано понять, на многое придется закрыть глаза, ибо ты не сведущ в этом, но тебе даны силы, чтобы поддерживать своего светлячка в таком трудном деле, как скромное освещение твоего, еще такого шаткого, больше похожее на вибрирующий мост над пропастью, но все же пути.

24/06/04

– Это что? Она мне сейчас лекцию прочитала, что ли? –

возмутился Игорь.

Он собрал листки и те, что обгорели, но не сгорели до конца, и понес в милицию. По дороге он придумывал рассказ о происшествии и увидел в витрине свое отражение. Оно остановило его, он увидел, что выглядит смешным и жалким. Со своим мятым пальто не по сезону, переброшенным через руку, взъерошенный, с красными от бессонницы глазами и такими же взъерошенными нервами, с обгорелыми листками в руках.

– Маргарита. Не хватает лишь сушеной розы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.